

КРАСОТА, ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ В РЕНЕССАНСНОЙ ЛИРИКЕ И ПОЭЗИИ XVII В.

М. К. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: при помощи компаративистского анализа в статье выявляется эстетический и этический смысл воплощения тем красоты, любви и смерти в испанской и английской поэзии эпохи Ренессанса и XVII в.

Ключевые слова: красота, любовь, смерть, бессмертие человека и поэзии, быстротечность красоты

Abstract: comparative study of the themes of beauty, love and death in the English and Spanish Renaissance and XVII-th century poems reveals their ethic and esthetical value

Key words: beauty, love, death, immortality of man and verse, short-lived beauty

Красота, любовь и смерть относятся к вечным темам мировой литературы, которые каждая эпоха и каждый автор трактуют по-своему. В настоящей работе делается попытка сопоставить, как эти темы решены в ренессансной поэзии и лирике XVII в. В качестве материала для анализа избрана английская и испанская лирика, в основном сонеты, принадлежащие перу Уильяма Шекспира (1564–1616), Джона Донна (1572–1631), Гарсиласо де ла Веги (1501?–1536), Луиса де Гонгоры – и – Арготе (1561–1627) и Франсиско да Кевéдо-и-Вильéгас (1580–1645). Выбор этих имен отчасти произволен, отчасти обусловлен тем, что расцвет Возрождения в Англии и Испании был поздним и в творчестве ренессансных писателей упомянутых стран нередко звучат мотивы, получившие в дальнейшем развитие в барочной литературе XVII столетия. Поскольку анализ будет идти на идейно-тематическом уровне, мы считаем возможным использовать русские переводы английских и испанских оригиналов, которые давно признаны классическими и вошли в сознание русской читающей публики.

В шекспировских сонетах (они рассмотрены в рамках данной работы в переводах С. Я. Маршака), написанных, как известно, в последнее десятилетие XVI в. и до сих пор хранящих тайну своих адресатов и обстоятельства своего создания, темы любви и красоты занимают центральное место. Любовь для Шекспира – великая сила, путеводная звезда, «над бурей поднятый маяк, не меркнувший во мраке и тумане» (сонет 116), и в то же время сложное, трагическое, противоречивое и земное чувство. Красота у него также прежде всего земное явление, именно этим, а не соответствием канону или моде, значимое и удивительное (сонет 130).

К темам любви и красоты, как показывает, например, анализ сонетов 12, 18, 60, 65, примыкает

тема смерти. Красота адресата этих произведений рассматривается поэтом, как часть, причем лучшая часть, красоты мира, природы. И так же, как неизбежна гибель красоты природы, исчезнет и красота человека. Эта мысль передана через сравнение красоты белокурого друга с красотой природы:

Сравню ли с летным днем твои черты?

Но ты милей, умеренней и краше (сонет 18, выделено здесь и далее мной. – М. П.) [1, 22].

Я думаю о красоте твоей.

О том, что ей придется отцвести,

Как всем цветам лесов, лугов, полей (сонет 12) [1, 16].

Гибель всего прекрасного в мире неизбежна, это закон природы:

Уж если медь, гранит, земля и море

Не устоят, когда придет их срок,

Как может уцелеть, со смертью споря,

Краса твоя – беспомощный цветок? (сонет 65) [1, 69].

Однако Шекспир, который в 1590-е гг. еще во многом полон ренессансного оптимизма, видит целых две возможности сохранить красоту в века. Одна, которую он, вероятно, сформулировал по просьбе матери «белокурого друга» (если принять гипотезу о том, что это был граф Саутгемптон, семья которого беспокоилась по поводу его неженатого статуса и отсутствия наследников), заключается в совете, данном в последних строчках сонета 12:

Но если смерти серп неумолим,

Оставь потомков, чтобы спорить с ним! [1, 16].

Воспользоваться этой возможностью для спасения красоты совершенно естественно, это закон бытия, которому подчиняется все сущее в мире. Леса, поля и луга ведь тоже утрачивают свою красоту не навсегда, ибо на них «*новое готовится расти*» (сонет 12) [1, 16].

Вторая возможность для красоты стать бес- смертной заключена в искусстве. Эта возможность представляется поэту более действенной и значи- мой. Он формулирует её несколько раз в чеканных строках сонетов 18, 60 и 65:

Ты вечно будешь жить в строках поэта [1, 22];
Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки! [1, 64];
Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила! [1, 69]

Таким образом, красота для Шекспира – это не- что вечное, погибающее и возрождающееся вместе с природой, а ее отражение в поэзии бессмертно, как сама поэзия. Здесь, думается, воплощено ренессанс- ное понимание мира как гармоничного феномена и ренессансная гордость человека своим искусством.

Несколько иной вариант ренессансные настро- ения получают в сонетах Гарсиласо де ла Вега (1501?–1536), крупнейшего лирика испанского Воз- рождения, последователя Петрарки, который «бла- годаря своему таланту подлинного поэта-новатора придал итальянской поэтической традиции, введен- ной в испанскую поэзию, национальный испанский облик» [2, 45]. Гарсиласо жил недолго, умер в резуль- тате тяжелого ранения, полученного во время войны с Италией. Считается, что лучшие творения были созданы им в последние два-три года жизни, к ним относится и сонет XXIII, в котором Гарсиласо де ла Вега разрабатывает интересующие нас темы.

Пока лишь розы в вечном их наряде
Тягаться могут с цветом ваших щек,
Пока огонь, что сердце мне зажег,
Пылает в горделивом вашем взгляде.

Пока густых волос витые пряди
Просыпаны, как золотой песок,
На плавность ваших плеч и ветерок
Расплескивает их, любовно глядя, –

Вкушайте сладость спелого плода:

Уйдет весна, а ярость непогоды
На золото вершин обрушит снег,

Цветень роз иссушат холода,
Изменят всё стремительные годы –
Уж так заведено из века в век.
(пер. Вл. Резниченко) [3, 564]

Здесь, как и в сонетах Шекспира, красота чело- века сопоставляется и уравнивается с красотой природы. Гарсиласо уподобляет цвет лица возлю- бленной розам, золото волос – золотому песку. Как и у Шекспира, наступление старости и смерти для испанского поэта неизбежно, «так заведено из века в век». Однако вывод из этой посылки Гарсиласо де ла Вега делает иной – красотой надо наслаждаться, пока она у человека есть. По справедливому замеча- нию А. Л. Штейна, испанские «поэты Ренессанса,

например, Гарсиласо де ла Вега ... писали о скоротеч- ности бытия. Но неизбежность смерти была для них только страшной угрозой, кладущей конец радостям жизни» [4, с.22].

Анализируемый сонет испанского петраркиста восходит к стихотворению «Рождение розы» позд- неантичного поэта Децима Магна Авсония (ок. 310–395). По словам М. Л. Гаспарова, «главное от- крытие Авсония, резко отделившее его – по крайней мере, в глазах нового времени – от всех его соседей по поздней античности», заключалось в том, что он «ввел в стихи автобиографический и бытовой мате- риал» [5]. Интересующее нас стихотворение как раз и представляет бытовую сценку. Поэт ранним утром, выйдя прогуляться в свой сад, наблюдает, как рас- крываются чашечки цветов, и размышляет об их участии:

Я дивился, как быстро грабит бегущее время,
Видя, как блекли цветы, еле успевши расцвести.
Вот, пока говорю, опали червлёные кудри
Пурпурной розы: земля красным обрызгана вокруг.
Все эти виды, и эти рожденья, и все измененья
День их единый явил, кончил единый их день!
Как мы жалеем, Природа, что прелесть цветов
так мгновенна:

Чуть их взорам явив, ты похищаешь дары.
День сколько длится единый – жизнь столько
длится для розы:

К юности ранней ее краткая старость близка.
Ту, чье рожденье встречала только что алая Эос,
Вечером, возвратясь, видит старухой она.
Но им назначено пусть погибнуть в короткое
время:

Сами они, уходя, род свой стремятся продлить!
Дева! Розы собирай, пока новы, пока молода ты:
Помни, что возраст и твой столь же поспешно
летит!

(пер. В. Брюсова) [6]

Авсоний «пришел в поэзию на готовое. Он твер- до знал: все, что можно сказать, уже сказано наи- лучшим образом поэтами-классиками, и теперь осталось только использовать их удачу» [5]. Из описания утренней прогулки он делает вполне го- рацианский вывод: лови момент, наслаждайся жиз- нью, пока красота не поблекла.

Сонет Гарсиласо можно рассматривать [2, 51] и как переложение стихотворения на такую же тему испытавшего влияние Горация итальянского поэта Бернардо Тассо (1493—1569), отца знаменитого Торквато Тассо. В любом случае знаменательно, что испанский поэт в духе своей эпохи обращается к античному и итальянскому ренессансному образ- цам и вслед за ними призывает наслаждаться радо- стями жизни.

Ренессансные поэты Гарсиласо де ла Вега и Уи- льям Шекспир рассматривали красоту человека как часть красоты мира, для них и та, и другая красота

подчиняются законам жизни и смерти. Для передачи этой мысли оба использовали сравнения, своеобразный «природный параллелизм», уподобление красоты человека фиалке, розе, цветам лесов, лугов, полей. У Луиса де Гонгоры, поэта испанского барокко, появляется иное представление о красоте.

*О влага светоносного ручья,
Бежущего текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
Звенит струной серебряной струя,*

*В ней отразилась ты, любовь моя:
Рубины губ твоих в снегу оправы...
Лик исцеленья – лик моей отравы
Стремит родник в безвестные края.*

*Но нет, не медли, ключ! Не расслабляй
Тугих поводьев быстрины студеной.
Любимый образ до морских пучин*

*Неси неколебимо – и пускай
Пред ним замрет коленопреклоненный
С трезубцем в длани мрачный властелин.
(Пер. С. Гончаренко) [7, 368].*

Прекрасное становится у него не частью красоты реального мира, а лишь его копией, в известной степени иллюзией, «ликом», отраженным во «влаге светоносного ручья», оно преходяще, текуче, в его описании появляется мотив искусственности, «деланности» («Рубины губ твоих в снегу оправы»). Представление о том, что красота является результатом сознательного мастерства, воплощено и в другом сонете Гонгоры:

*Пока руно волос твоих течет,
Как золото в лучистой филиграни,
И не светлей хрусталь в изломе грани,
Чем нежной шеи лебединый взлет,*

*Пока соцветье губ твоих цветет
Благоуханнее гвоздики ранней
И тщетно снежной лилии старанье
Затмит чела чистейший снег и лед,*

*Спешу изведать наслажденье в силе,
Сокрытой в коже, в локоне, в устах,
Пока букет твоих гвоздик и лилий*

*Не только сам бесславно не зачах,
Но годы и тебя не обратили
В золу и землю, в пепел, дым и прах.
(Перевод С. Гончаренко) [7, 370].*

Ренессансный лирик Гарсиласо де ла Вега сравнивал красоту возлюбленной с красотой природы (образы розы, золотого песка). У Гонгоры сохраняется «природная метафорика», во втором катрене сонета упомянуты гвоздики и лилии, с которыми

сопоставляются губы и чело красавицы. Однако в первой строфе ее красота уподоблена «лучистой филиграни» и «хрустально». Как и его предшественник, автор анализируемого сонета призывает наслаждаться красотой, которая отличается краткостью и мимолетностью [4, с.28], но у Гонгоры смерть окончательна, красота превращается «в золу и землю, пепел, дым и прах». По справедливому замечанию А.Л. Штейна, «сонеты Гонгоры, посвященные любви и прославлению женской красоты ... обычно строятся на контрасте. Это контраст между жизнью и смертью, красотой и неизбежностью ее уничтожения» [4, 29].

Тема быстротечности жизни решается Гонгорой в трагическом ключе, о чем свидетельствует, например, стихотворение «О скрытной быстротечности жизни», завершающееся словами «Мгновенье, что подтачивает дни, / Дни, что незримо поглощают годы» (Пер. П. Грушко) [8]. Столь же быстротечна в его представлении и красота. В сонете «Тщеславная роза», обращаясь к этому цветку, он говорит: «Вчера родившись, завтра ты умрешь» [7, 379].

Не обошел вниманием интересующие нас темы и Франсиско Кеведа, современник и соперник Гонгоры по поэтическому цеху. Прекрасное он, в духе представлений и настроений своей эпохи, считает быстротечным, а красоту человека ставит выше красоты мира. В «Лирической летрилье» Кеведа адресует розе слова

*Для чего тебе гордиться,
Роза, прелестью своей?
Умираешь ты скорей,
Чем успеешь народиться.
Плакать нам иль веселиться,
Видя в тот же самый день
Жизни цвет и смерти тень?
От восхода до заката
Исчезает без возврата
Совершенство красоты.
(Перевод М. Квятковской) [9].*

Любовь для Кеведа – противоречивое, сложное чувство, порождающее страдание. В сонете «Определение любви» он пишет:

*Студеный пламень, раскаленный лед, –
Боль, что, терзая, дарит наслажденье,
Явь горькая и радость сновиденья,
Беспечность, что полным-полна забот?*

*Предательство, что верностью слывет,
Средь уличной толпы уединенье,
Усталость в краткий миг отдохновенья»
И права, и бесправия оплот;*

*Сама себе и воля, и темница –
Покончить в силах с ней лишь смерть одна, –
Недуг, что от лекарств не исцелится, –*

**Любовь, едва рожденная, дружна
С небытием.** В ней рай и ад таится,
И враг самой себе во всем она.
(Перевод И. Чежеговой) [10, 93–194].

Этот сонет является ярким подтверждением мысли, высказанной Ю. Б. Виппером: «В поэзии испанского барокко поражает ее контрастность, и в этой контрастности находит свое воплощение неотступное ощущение поэтами противоположной дисгармоничности окружающего бытия» [11]. В трактовке любви здесь, несомненно, присутствуют петраркистские мотивы, однако явственно проглядывает и идея связи любви и смерти, которая более подробно разработана в сонете «Постоянство в любви после смерти».

*Пусть веки мне сомкнет последний сон,
Лишив меня сиянья небосвода,
И пусть душе желанную свободу
В блаженный час навек подарит он, –*

*Мне не забыть и за чертой времен
В огне и муке прожитые годы,
И пламень мой сквозь ледяные воды
Пройдет, презрев суровый их закон.*

*Душа, покорная верховной воле,
Кровь, страстию безмерной зажжена,
Земной состав, дотла испепеленный,*

*Избавятся от жизни, не от боли;
В персть перейдут, но будет персть верна;
Развеются во прах, но прах влюбленный.
(пер. А. Косс) [7, 392–393]*

Борхес указывал, что нередко «отправной точкой служит для Кеведо классический текст. Так, великолепная строка ...Пребуду прахом, но – влюбленным прахом – это воссозданный или улучшенный стих Проперция («Элегии», 1,19): *Ut metis oblito pulvis amore vacet!* (в переводе Льва Остроумова – «Чувство мое перейдет даже и смерти предел»)» [12].

В этом сонете важны многие моменты. В первой строфе смерть предстает как нечто желанное, приходящее «в блаженный час» и дарующее «желанную свободу». Такое понимание смерти характерно для испанского барокко. Однако, в отличие от трактовки темы смерти Гонгорой, Кеведо говорит о том, что, умерев физически, влюбленный тем не менее сохранит свои чувства и свои страдания. Да, как и у Гонгоры, здесь «душа», «кровь», весь «земной состав» превратятся в «персть», то есть в землю, в прах, но и эта персть, и этот прах сохранять любовь и верность. Таким образом, в этом сонете духовное оказывается важнее материального, «любовь живет и после смерти» [4, с. 38].

Комментируя сонет «Постоянство в любви после смерти», З. И. Плавский писал: «Смерть может разрушить тело, кровь, мозг, но поэт рисует трижды эту тризну смерти лишь для того, чтобы трижды подчеркнуть ее бессилие перед человеческой страстью: «Исчезнет плоть,

но не исчезнет боль; все обратится в пыль, но чувство сохранится; все будет прах, но прах влюбленный...» [13].

О том, что все в мире преходяще, кроме душевной боли, Кеведо пишет в стихотворении «Глосса в октавах», которое начинается и заканчивается фразой «Преходит все, но не мои страданья» [9], которая в общей сложности повторяется 4 раза. Таким образом, у Кеведо смерть побеждает не жизнь, и не искусство, а страдание.

Своеобразную трактовку темы любви и смерти получают в творчестве Джона Донна. Любовь для этого поэта является духовным феноменом, построенным на соединении душ. Рисуя в стихотворении «Экстаз» картину встречи влюбленных в традиционном для любовной лирике месте, на речном берегу, «среди фиалок», поэт упоминает и традиционную для такой ситуации картину – герои стихотворения сидят, взявшись за руки. Однако главное для Донна другое – общение душ:

*...души наши, сбросив тело,
Простерлись меж тобой и мной.*

.....

*Но каждая душа скрывала
Неведомое ей самой,
Любовь их вновь перемешала,
И стали две души одной.*

(пер. Б. Томашевского) [14, 53–54].

Дж. Донн не отрицает плотской любви, но рассматривает ее как низшее проявление чувства, над которым необходимо подняться ради высшего блага:

*Влиянью неба подчиниться
Сумей и в низкой сфере зла;
Душа с душою может слиться,
Когда сближаются тела.*

*Лишь кровь горячая рождает
В нас вечный дух для славных дел,
И жизнь людская возникает
Лишь в схватке двух сплетенных тел.*

*Вот почему душе спуститься
Порой приходится к телам,
И пробует любовь пробиться
Из них на волю к небесам.
(пер. Б. Томашевского) [14, 55].*

В стихотворении «Экстаз» употреблено не встречавшееся в лирике других поэтов сравнение души с атомом. «Естественно-научная метафорика» еще

более полно представлена в «Распаде», описывающем смерть возлюбленной.

*Она мертва... А то, что умирает,
В миг превращает в атомы распад.
Скрепленные невидимым союзом,
Частицы сходные кружатся в нас.*

*И атомы ее в меня влетают,
Они во мне недвижимо лежат*

И бесполезным и тяжелым грузом
Сильнее, больше душат каждый час.

.....

Так смерть её и мне сулит распад:

Скопленье атомов мне гибель предвещает...

Вслед за душой ушедшею спеша,

Её настигнет на лету моя душа:

Так пуля, что вдогонку вылетает

С зарядом бóльшим, первую в дороге нагоняет.

(Перевод Б. Томашевского) [14, 62]

Поведение представленных в виде атомов душ в этом стихотворении соответствует физическим законам. «Её» атомы по закону любовного притяжения попадают в «него», нарушают равновесие атомов во влюбленном, что и приводит к его гибели. Финальные строчки «Распада» зримо иллюстрируют задачу о встрече тел, движущихся с разной скоростью, и в то же время в необычной форме передают мысль о том, что любовь способна победить смерть. Здесь, с нашей точки зрения, воплотилась одна из характерных особенностей мировосприятия человека XVII в., которую Ю. Виппер сформулировал следующим образом: «Обостренный интерес к проблеме движения – одна из отличительных черт интеллектуальной жизни этой эпохи» [11, 79].

Таким образом, воплощение тем красоты, любви и смерти лириками эпохи Возрождения и 17 века, безусловно, зависело от степени их таланта, но в не меньшей, если не большей степени и от специфики той культурно-исторической эпохи, в которую они жили. Поэты эпохи Возрождения в духе ренессансной реабилитации реального мира и человеческой плоти восхищаются земной красотой, призывают наслаждаться земными радостями, верят в бессмертие человеческой красоты, обеспечиваемое вечным природным циклом смерти и обновления, прославляют силу искусства, способного обессмертить красоту. Поэты XVII столетия воплощают иные, барочные представления о мире и красоте. Красота

у них быстротечна, мимолетна, они начинают говорить о «сделанности» красоты, о том, что она является результатом творческих усилий человека. Гонгора и Кеведо подчеркивают смертность, конечность красоты. В стихотворениях Джона Донна отражается та новая роль, которую в XVII в. играет в понимании мира наука.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маршак С. Стихи, сказки, переводы / С. Маршак // Избранные переводы. – В 2-х кн. – Кн.2. – М.: Худ. лит., 1952. – 387 с.
2. Плавский З.И. Литература Возрождения в Испании / З. И. Плавский. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 235 с.
3. Европейские поэты Возрождения. – М.: Худ. лит., 1974. – 735 с.
4. Штейн А.Л. Литература испанского барокко / А. Л. Штейн. – М.: Наука, 1983. – 179 с.
5. Гаспаров М.Л. Авсоний и его время / М. Л. Гаспаров // Авсоний. Стихотворения. – М.: Наука, 1993. – С. 251–272. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/gasparov-93.htm>
6. Авсоний. Стихотворения. – М.: Наука, 1993. – 356 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/gasparov-93.htm>
7. Европейская поэзия XVII века. – М.: Худ. лит., 1977. – 927 с.
8. Гонгора Л. Лирика / Л. Гонгора. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/flit/gongora/gongsonet.html#29>
9. Кеведо Ф. Испанский Парнас, двуглавая гора, обитель девяти кастильских муз / Ф. Кеведо. – Л.: Худож. лит., 1980. – 544 с. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/KEWEDO/kevedo1.txt>
10. Западноевропейский сонет (XIII – XVII века). – Л.: ЛГУ, 1988. – 496 с.
11. Виппер Ю. Б. Творческие судьбы и история. (О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века) / Ю. Б. Виппер. – М.: Худ. лит., 1990. – 318 с. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Vipper_BarClass.htm
12. Борхес. Кеведо. – Режим доступа: <http://readr.ru/horhe-borhes-kevedo.html?page=2#>
13. Плавский З.И. Франсиско де Кеведо – человек, мыслитель, художник / З. И. Плавский // Кеведо Ф. Избранное. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 2–11. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/KEWEDO/kevedo.txt>
14. Донн Дж. Стихотворения / Дж. Донн. – Л.: Худ. лит., 1973. – 168 с.

*Воронежский государственный университет
Попова М. К., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры издательского дела
E-mail: popova@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Popova M. K., Doctor of Philology, Professor of the Publishing
Department
E-mail: popova@phil.vsu.ru*